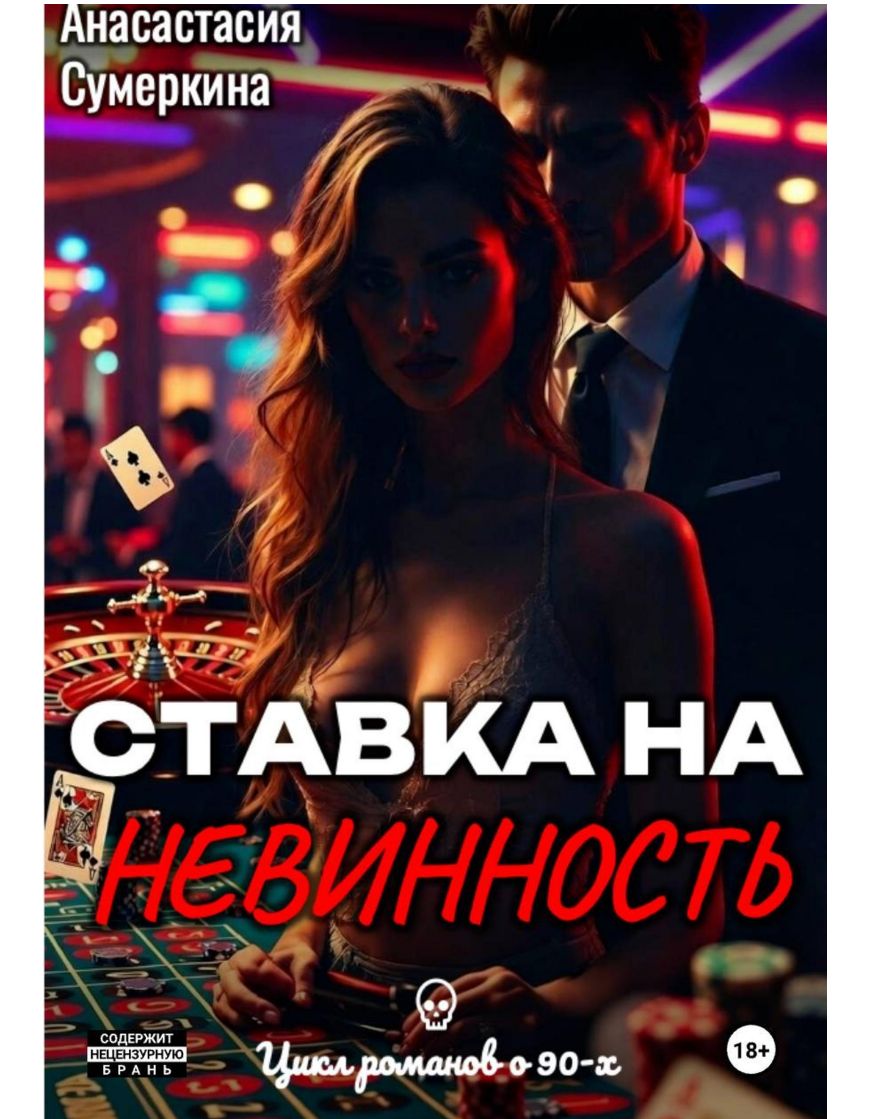

Анастасия
Сумеркина

СТАВКА НА НЕВИННОСТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Цикл романов о 90-х

18+

Анастасия Сумеркина

Ставка на невинность

<https://litres.ru/74102758>

SelfPub; 2026

Аннотация

Казино - мир больших денег, похоти и разврата, или место, которое может спасти?

Ради спасения брата я готова на всё. Даже стать «живой статуей» в казино. Даже переспать с его хозяином — холодным, циничным Игорем, который не верит в любовь.

Три месяца ада. Три месяца страсти. Три месяца лжи.

Содержание

ГЛАВА 1. Случайно услышанная тайна	4
ГЛАВА 2. Чёрный вход	17
ГЛАВА 3. Ростовщик	26
ГЛАВА 4. Кабинет Хозяина	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анастасия Сумеркина

Ставка на невинность

ГЛАВА 1. Случайно услышанная тайна

Запах больницы въелся в меня насквозь.

Я чувствовала его даже здесь, на лестничной клетке родной пятиэтажки. Смесь хлорки, лекарств и чужой боли — кажется, он пропитал каждую клетку моего тела за те двенадцать часов, что я таскала утки и мыла полы в хирургическом отделении. Там, в палатах, пахло иначе — страхом. Страхом перед завтрашним днём, перед болью, перед смертью. Здесь, в подъезде, к этому запаху примешивалась вонь дешёвых сигарет «Прима» и кошачьей мочи, которую годами не могли вывести.

Часы показывали половину первого ночи.

Я прислонилась лбом к холодной стене, обшарпанной, с облупившейся краской цвета «младенческий сюрприз». Ноги гудели так, будто я пробежала марафон. В кармане куртки лежали смятые тридцать тысяч рублей — моя зарплата за месяц. Тридцать тысяч в 96-ом году. Инфляция съедала эти деньги быстрее, чем я успевала их заработать. В прошлом

месяце на них можно было купить три буханки хлеба, пакет молока и пачку дешёвых макарон. В этом — уже только две. А в следующем, говорят, цены опять поднимут. Страна сходила с ума.

По радио и телевизору только и говорили, что о реформах, о приватизации, о том, что скоро заживём. А в очередях за хлебом стояли те же уставшие женщины, те же старики, которые считали копейки. На рынках бабушки продавали последние вещи — старые сервизы, вышитые рушники, ордена дедов. Кому это нужно? Новым русским? У них свои магазины, свои иномарки. А у нас — пустые прилавки и обещания, что завтра будет лучше. Только завтра никогда не наступало.

Я каждый день ходила по улицам своего города и видела, как закрываются заводы, как увольняют целыми цехами, как мужики спиваются от безысходности. Отец был не один такой — вокруг полно таких же. И их жёны, как моя мать, тянули лямку, работали за копейки, не спали ночами. А по телеку — пьяный президент, который обещает светлое будущее. Будущее... Для кого? Для тех, кто уже сейчас не знает, чем кормить детей?

По телевизору у соседей бубнил ящик — даже сквозь стены было слышно. Там, кажется, опять показывали новости. Что-то про выборы, про то, что Ельцин обещает всем светлое будущее. Я представила, как соседка баба Шура сидит перед своим допотопным «Рекордом», крестится и причитает. Она каждый раз крестилась, когда показывали Ельцина. Говори-

ла: «Антихрист, чистой воды антихрист, развалил страну, а теперь на сцене пляшет, бесстыжий».

За дверью квартиры номер сорок семь было шумно.

Я замерла, не донеся ключ до замочной скважины. Сквозь тонкую фанеру, которую отец так и не собрался заменить нормальной дверью, было слышно каждое слово. Соседи, наверное, тоже всё слышали, но уже привыкли. В нашем районе семейные скандалы были нормой. Как очереди за хлебом, пустые прилавки и вечно пьяные мужики у ларьков с палёной водкой.

— ...ты думаешь, я не устала?! — голос матери срывался на визг, тот самый, который бывает, когда человек стоит на краю пропасти. — Я смены в поликлинике не бросаю, хотя меня уже тошнит от этих вечных очередей и злых людей, которые ненавидят врачей, потому что у них денег нет на лекарства! Я ночами не сплю, слушаю Ванино дыхание! А ты?! Ты притащился под утро, весь день продрых, от тебя разит перегаром, и ты мне говоришь про деньги?!

— Заткнись! — рявкнул отец. Голос у него был густой, пьяный, с хрипотцой, которую я научилась узнавать с детства. Я представила, как он стоит посреди комнаты, покачиваясь, с красными глазами и трясущимися руками. Рубашка навывпуск, мятая, пуговицы расстёгнуты. Таким я его видела слишком часто. — Заткнись, я сказал! Думаешь, я не хочу, чтобы Ванька поправился? Думаешь, я не переживаю?

— Ты? Переживаешь? — мать засмеялась, и этот смех

был страшнее любых криков. Так смеются люди, у которых внутри уже всё сломалось. — Ты переживаешь только о том, где достать на бутылку и как проникнуть в свой долбанный зал игровых автоматов! Ване операция нужна, Коля! Триста... — её голос дрогнул, сорвался на шёпот. — Три тысячи долларов! Врачи сказали, если в ближайшие два месяца не сделать, может быть поздно. У него сердце останавливается по ночам, ты понимаешь?! **ТВОЙ СЫН МОЖЕТ УМЕРЕТЬ!**

В груди что-то оборвалось. Я зажмурилась, вцепившись в холодные перила. В горле встал ком, который невозможно было ни проглотить, ни вытолкнуть.

Ваня. Мой маленький Ванька.

Когда он родился, мне было восемь. Я помню, как мама впервые положила мне его на руки — крошечный свёрток, из которого торчало сморщенное красное личико. «Смотри, Алина, — сказала она тогда, улыбаясь сквозь слёзы. — Это твой братик. Вы теперь должны друг за друга держаться».

Я и держалась.

Я кормила его с ложечки, когда мать была на работе. Я читала ему сказки на ночь, когда отец валялся пьяный в коридоре, и нам приходилось перекрикивать его храп. Я научила его завязывать шнурки, решать задачки и не бояться темноты. Я забирала его из школы, когда у матери не было сил, и дралась с пацанами, которые дразнили его «доходягой». Я сидела с ним в больницах, когда у него случались приступы и он синел прямо на глазах, а врачи разводили руками: мол,

денег нет на нормальное лечение, терпите.

Ваня был единственным светлым пятном в этой чёртовой жизни. Тихий, талантливый мальчик, который рисовал удивительные картины — у него получались такие живые люди, такие настоящие глаза, что учительница рисования ахала. Он мечтал стать художником, поступить в училище имени Грекова. Он никогда не жаловался, даже когда ему было очень плохо, но по ночам, думая, что я сплю, тихонько плакал от боли, закусывая губу, чтобы не разбудить меня.

А теперь он мог умереть.

— Деньги? — голос отца вдруг стал тихим, вкрадчивым. Таким тоном он обычно просил у матери на бутылку, когда понимал, что криком ничего не добьёшься. — Хочешь денег?

На секунду повисла тишина. Я даже перестала дышать, прижимаясь ухом к холодному металлу двери.

— Иди на панель, — отчётливо, по слогам произнёс отец. — Вон их сколько сейчас, этих новых русских, с жирными кошельками. По телеку каждый день показывают: вон в Москве вообще проститутки валюту берут, долларами. Час работы — и есть три штуки баксов. А ты у нас всё ещё ничего, мужики на тебя заглядываются. Раздвинула ноги — и готово. Но ты же у нас гордая, да? Ты же у нас «медсестра», мать Тереза хренова! Легких путей не ищешь!

— Коля... — голос матери звучал так, будто её ударили в живот. — Коля, что ты несёшь? Ты... ты в своём уме?

— А что такое? — отец, кажется, вошёл в раж. Слышно было, как он ходит по комнате, шаркая тапками, задевая мебель. — Я правду говорю! Вон у тебя дочка вымахала, тоже гордая, в медицинский поступила, хирургом мечтает стать! А сама в больнице полы моет за копейки, которые через месяц ничего не стоят! Или тоже ждёт, когда богатый принц приедет и заберет её вместе со старыми кастрюлями? Нет, мать, жизнь — она простая штука. Вон по телевизору каждый день показывают: кто сейчас рулит? Те, у кого бабло есть! А у кого нет — те никто, и звать их никак. Скоро таких, как мы, вообще за людей считать не будут. Бомжи, отребье — вот кто мы.

Что-то тяжёлое ударилось об стену. Наверное, табуретка, которой мать швырнула в отца.

— Убирайся, — тихо сказала мать. — Убирайся вон из моего дома. Пока я тебя сама не убила.

— Ага, сейчас. — Отец, видимо, двинулся к выходу из комнаты. — Только учти: если что с Ваней случится, это ты виновата. Это ты денег не нашла. Это ты у нас гордая. И дочка твоя такая же. Подохнет ваш Ванька, и будете знать. Всю жизнь себе в укор ставить.

Хлопнула дверь в комнату, где спал брат. Мать, наверное, ушла к нему — проверять, не разбудили ли его крики, не стало ли ему хуже.

Я стояла на лестничной клетке, вцепившись в перила так, что побелели костяшки пальцев. Внутри всё кипело от зло-

сти, от обиды, от бессильной ярости. Перед глазами плыли красные круги. Я хотела ворваться в квартиру, закричать на отца, ударить его, выцарапать глаза за эти слова. Но ноги не слушались.

Отец сам был во всём виноват.

Раньше, когда отец ещё не пил, мы иногда выбирались на природу. Мама брала выходной, отец доставал старый плед, и мы ехали на электричке за город. Там была поляна у речки, где пахло нагретой травой и речной водой. Ваня тогда был совсем маленький, бегал за бабочками, падал, смеялся. Отец жарил шашлык — у него здорово получалось, мясо получалось сочным, с дымком. Мама сидела на пледе, молодая, красивая, без вечной усталости в глазах, и улыбалась. А я смотрела на них и думала: вот оно, счастье. Обычное, простое, настоящее.

Теперь от того счастья остались только фотографии в старом альбоме, который мать прячет на антресолях. И запах — иногда весной, когда открывают окна, откуда-то тянет дымом, и я замираю, потому что на секунду кажется, что всё ещё можно вернуть. Но нельзя. Отец продал шампуры и мангал давно, ещё за год до того, как проиграл свадебный сервиз.

Он проиграл всё, что можно было проиграть. Сначала заводские премии, которые ещё платили до того, как завод встал и всех разогнали. Потом зарплату, которую перестали платить вовремя, а потом и вовсе перестали платить. По-

том вещи из дома — мамин сервиз «Золотая роза», подарок на свадьбу, бабушкино покрывало ручной работы, даже мои золотые серёжки, подарок к шестнадцатилетию. Мать сняла с себя последнее — бабушкино обручальное кольцо, единственную память — чтобы отдать его долги каким-то бандитам, которые приходили и угрожали. А он опять пошёл играть, пообещав, что это в последний раз и он обязательно отыграется.

Я вспомнила тот разговор, что случился недели три назад. Тогда мать тоже кричала. Я как раз пришла из училища, застала конец скандала. Отец орал, что должен какому-то «Клыку» пятьсот баксов, и что если не отдаст в срок, то ему «пересчитают кости». Мать тогда разрыдалась, просила его завязать, закодироваться, уехать куда-нибудь подальше от этого города, от этих людей. А он только отмахнулся: «Не учи учёного, это бизнес, скоро я сорву куш и всем вам нос утру. Там, в казино, такие деньги крутятся — вам и не снилось. Там люди за вечер тысячи долларов проигрывают и глазом не моргнут».

Куш он не сорвал. И не сорвёт никогда.

Игромания — это болезнь. Я это знала по учебникам. Но одно дело — читать про это в книжках, и совсем другое — видеть, как болезнь пожирает твоего собственного отца, превращая его в чужого, озлобленного человека. А заодно пожирает и всю семью.

Я медленно сползла по стене на грязный бетонный пол. От

цемента тянуло холодом, но я почти не чувствовала. На площадке воняло сигаретами и дешёвым портвейном — местные алкаши любили здесь тусоваться, пока соседи не прогоняли.

Три тысячи долларов.

Для кого-то — сумма, которую спускают за один вечер в ресторане «Прага» или в ночном клубе с проститутками. Для нас — цена жизни Вани. Если перевести на рубли по нынешнему курсу — почти двадцать миллионов. Для нас это была космическая цифра.

Я представила его лицо. Худенький, бледный, с огромными глазами, в которых всегда светилась какая-то тихая грусть. Ему шестнадцать, а выглядит на двенадцать. Он не играет в футбол, не бегает с пацанами, не ходит на свиданки. Он лежит на диване с книжкой или рисует свои картинки. Учительница рисования говорила, что ему нужно учиться, что его работы — это уровень художественного училища. Она даже показывала кому-то из знакомых художников, те обещали помочь с поступлением.

Какое училище, если он может не дожить до лета?

В голове завертелись обрывки мыслей. Работа. Я работаю в больнице санитаркой, учусь на дневном в мединституте, получаю стипендию, которую не платят уже третий месяц. Мать тянет двоих, у неё нет сил даже на копеечную подработку — она после своих смен в поликлинике еле до дома доползает. Отец... от него помощи не будет, только долги и

новые проблемы. Скоро эти бандиты, которым он должен, придут уже не к нему, а к нам.

Но ведь есть же люди, которые дают в долг. Ростовщики.

Люди боялись ростовщиков, но все равно шли к ним. Верили, что отдадут, что выкрутятся, что чудо случится. Только чудес не бывает. Я это знала лучше других. Если бы чудеса были, Ваня бы не болел, отец бы не пил, мать бы не плакала по ночам. Но чудес нет. Есть только деньги. Или их отсутствие. И люди, которые готовы дать их под чудовищные проценты, потому что знают — ты никуда не денешься. Ты в ловушке.

Отец что-то говорил про этого Клыка. Про то, что сидит он где-то в том самом казино, куда отец ходит играть. Что даёт деньги под проценты, но, если не отдашь — мало не покажется. Квартиру отнимут, самого в рабство продадут или просто убьют, закопают в лесу. Но Клык даёт всем. И ему всё равно, на что ты берёшь — на операцию или на наркотики.

Это был риск. Смертельный риск.

Но выбора у меня не было.

Я встала, размяла затёкшие ноги. За дверью было тихо. Мать, наверное, уснула в Ваниной комнате, прижимая его к себе, как в детстве, как делала всегда, когда ей было особенно страшно. Отец, скорее всего, дрых на кухне, уронив голову на стол, и храпел так, что слышно было даже здесь.

Я бесшумно открыла дверь своим ключом, прошмыгнула в коридор. В комнату к матери заходить не стала — не мог-

ла на неё сейчас смотреть. Видеть эту вечную усталость, эту загнанность, эту надежду, которая давно уже умерла, а она всё держится за призраки, за то, что когда-то было.

Завтра я всё сделаю.

Я зашла в свою комнату — маленькую, заваленную книгами по анатомии и конспектами, которые я писала от руки, потому что на ксерокс в институте денег не было — и достала из шкафа единственное приличное платье. Синее, легкое, мать купила мне его на выпускной три года назад, когда ещё были какие-то деньги, когда отец ещё работал, когда всё казалось не таким безнадёжным. Я похудела с тех пор, но платье сидело даже лучше, чем тогда. Только выглядело немного старомодно — фасон уже не тот, вон модели в каких нарядах ходят, по телеку показывали.

Потом открыла ящик стола и вынула паспорт.

Красная корочка с гербом СССР. Вот странно, страны уже нет, а паспорт действует. Фотография, где я выгляжу испуганной девчонкой с огромными глазами. Прописка. Моя единственная ценность — кроме Вани. И ещё старая бабушкина квартира в Ростове, о которой мать говорила: «Это на чёрный день». Кажется, чёрный день наступил. Правда никто эту квартиру не купит, денег у народа нет, а тем, у кого деньги есть, такая квартира не нужна.

Я села на продавленную кровать и уставилась в окно. За тонкой занавеской виднелась серая панельная стена соседнего дома, вся в пятнах и трещинах, с облупившейся штука-

туркой. Где-то лаяла собака. Вдалеке проехала милицейская машина с включённой сиреной — обычное дело для нашего района, тут каждую ночь кого-то режут или грабят.

В голове было пусто и страшно.

Где-то далеко, в центре города, горели неоновые огни. Я видела их однажды, когда ездила с подругой «погулять» на проспект. Там была другая жизнь. Сверкающие вывески казино «Королевская игра» и «Шангри-Ла», дорогие иномарки у тротуаров, женщины в мехах и бриллиантах, мужчины в малиновых пиджаках и с золотыми цепями на шеях. Рестораны с вывесками на английском, ночные клубы, откуда доносилась громкая музыка. Там деньги текли рекой, и никто не думал о том, что где-то на окраинах, в этих серых панельных пятиэтажках, дети умирают от голода.

Я ненавидела этот мир. Чужой, блестящий, равнодушный мир, который жил по своим законам, где всё решали деньги и связи. Но именно туда мне предстояло пойти.

Я подошла к маленькому чёрно-белому телевизору «Юность», который стоял на тумбочке, и включила его, убавив звук до минимума, чтобы не разбудить мать. По экрану бежали помехи, но картинка проявилась — какой-то концерт, судя по всему, предвыборный. На сцене, под музыку, которую я почти не слышала, двигалась знакомая фигура. Ельцин. Он танцевал — неуклюже, размахивая руками, явно нетрезвый, с глупой улыбкой на лице. Зал, судя по всему, аплодировал.

Я смотрела на это и чувствовала только пустоту.

Человек, который управляет страной, танцует пьяный на сцене. А где-то в этой стране мой брат умирает, потому что у нас нет трёх тысяч долларов.

Я усмехнулась, выключила телевизор и посмотрела на паспорт в руке.

«Голосуй сердцем», — призывали предвыборные плакаты Бориса Николаевича.

Сердцем.

У Вани больное сердце. И ему плевать на все эти выборы, на этого танцующего президента, на всю эту страну, которая разваливается на куски. Ему нужна операция. Ему нужна жизнь.

Я сжала паспорт в руке до хруста.

Светлое будущее.

У нас с Ваней нет будущего. Но я сделаю всё, чтобы оно у него появилось.

Даже если для этого придётся продать душу.

ГЛАВА 2. Чёрный вход

Я плохо спала эту ночь.

Ворочалась на продавленном диване, вслушиваясь в тишину квартиры. Где-то за стеной покашливал Ваня — этот сухой, надсадный кашель я узнала бы из тысячи. Мать возилась на кухне с раннего утра, гремела кастрюлями, хотя готовить было не из чего. Отец уполз на работу — если можно назвать работой его шатания по городу в поисках случайного заработка, который он проиграет или пропьет.

К вечеру я приняла решение.

Надела то самое синее платье, которое вчера достала из шкафа. Оно было тесновато в груди и свободно в талии — сказалось недоедание последних месяцев. Волосы распустила, чтобы выглядеть старше и увереннее. Посмотрела на себя в мутное трюмо, доставшееся от бабушки.

Из зеркала на меня смотрела бледная девушка с огромными глазами, в которых застыла решимость пополам со страхом. Глубокие тени под глазами — от недосыпа. Обкусанные губы — от нервов. Никакой косметики, кроме дешёвой помады, которую я купила ещё в прошлом году на рынке.

— Сойдёт, — сказала я своему отражению.

Паспорт положила во внутренний карман куртки — той самой, старой, драповой, которую мать когда-то купила на толкучке. Куртка совсем не сочеталась с платьем, но платье

было слишком тонким для марта, а ехать предстояло далеко.

Мать проводила меня подозрительным взглядом, когда я сказала, что иду в институт на вечерний факультатив.

— А чего нарядная такая? — спросила она, вытирая руки о застиранный фартук. Лицо у неё было серое, осунувшееся после бессонной ночи.

— Доклад сегодня, — соврала я на удивление спокойно. — Надо быть прилично одетой.

Мать кивнула, но в глазах её я увидела недоверие. Она всегда чувствовала, когда я вру. Но сил спорить у неё не было.

— Возвращайся пораньше, — только и сказала она.

Я чмокнула её в щеку — колючую от сухости пахнущую больничными дезинфекторами — и выскользнула за дверь.

Город встретил меня серым мартовским небом и противным морозящим дождём.

Я села в троллейбус, идущий до центра и насквозь пропахший сыростью и перегаром.

Рядом со мной примостилась старушка с авоськой, в которой лежала буханка чёрного хлеба и две пачки молока — видимо, всё, что смогла купить на пенсию. Она смотрела в окно отсутствующим взглядом и мелко крестилась, когда троллейбус подпрыгивал на очередной яме. Напротив, дремал мужик в засаленном ватнике — от него разило перегаром так, что меня подташнивало. Руки у него были чёрные, в мазуте, наверное, с какого-то завода, который ещё работал.

Или уже не работал, и он просто не мылся неделями.

Две тётке сзади обсуждали цены:

— ...а масло подорожало, ты представляешь? Вчера ещё восемь тысяч было, а сегодня уже девять с половиной!

— Господи, и как жить? Дочка в школу собралась, форму купить не на что...

— Займи у кого-нибудь!

— Да у кого ж займёшь? Все сами без денег сидят.

Я слушала и сжимала в кармане тридцать тысяч. Месяц работы. На них даже форму не купишь, если так дальше пойдёт.

Кондукторша — грузная тётка с пергидрольными волосами — долго вглядывалась в мои мятые тридцать тысяч, потом махнула рукой: «Проходи уж, красавица». Я поймала её взгляд — оценивающий, бывалый. Такие взгляды я видела часто в больнице. В них читалось: «Шляется нарядная с вечера, не иначе к мужика поехала искать». Она не знала, не могла знать, что я еду к ростовщику, что у меня брат при смерти, что я готова на всё. Для неё я была просто очередной девкой, которая нацепила лучшее платье и куда-то покатила. Мне стало обидно. И тут же стыдно за эту обиду. Какая разница, что она думает? Главное — Ваня.

Я отвернулась к окну, чтобы не видеть её взгляда.

Троллейбус тащился по разбитым дорогам, подпрыгивая на ямах, которых здесь было больше, чем асфальта. За окном проплывали серые коробки хрущёвок, пустыри с торчащей

из земли арматурой, ларьки с яркими вывесками «Соки-воды» и вездесущие палатки с надписью «24 часа». Возле одной из таких палаток двое кавказцев грузили ящики с чем-то, накрытым брезентом. Рядом крутились подозрительные личности в спортивных костюмах.

Чем ближе к центру, тем заметнее становились перемены. Хрущёвки сменились сталинскими домами с лепниной, пустыри — витринами магазинов, где на манекенах красовались импортные шубы. Возле гостиницы «Интурист» было море иномарок — блестящие, чёрные, с тонированными стёклами. Из одной такой вышел мужчина в кожаном пиджаке и с золотой цепью на бычьей шее, хлопнул дверцей нового «Мерседеса» и, не глядя по сторонам, направился ко входу.

Я смотрела на это как на инопланетную жизнь. Люди, для которых три тысячи долларов — не цена жизни ребёнка, а сумма, которую можно проиграть за вечер в казино, даже не поморщившись.

Три тысячи долларов. Я представила, сколько это в рублях по нынешнему курсу. Почти двадцать миллионов. На такие деньги можно было бы купить всё — новую квартиру, машину, шубу матери. Можно было бы вылечить Ваню и ещё осталось бы. А они здесь проигрывают такие суммы за вечер, не моргнув глазом. Для них это развлечение, адреналин. Для нас — жизнь или смерть.

Я вдруг остро, до зубной боли, захотела, чтобы кто-то из этих богатых, счастливых, равнодушных людей хоть раз по-

чувствовал то, что чувствую я. Чтобы у них тоже заболел кто-то близкий, чтобы они тоже стояли перед выбором — долги или смерть. Но тут же испугалась своих мыслей. Нельзя желать зла другим. Даже если они живут в другом мире.

Троллейбус остановился на конечной. Дальше нужно было идти пешком.

Я достала из кармана клочок бумаги, где записан адрес, который когда-то обронил отец. «Казино „Королевская игра“, проспект Мира, 17». Он говорил, что вход для «своих» — со двора, через служебные двери. Что охрана там злая, но, если сказать, что ты к Клыку, могут пропустить.

Я шла по центральным улицам, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не выдать свою растерянность. Всё здесь было чужое: эти вывески на иностранный манер, эти дорогие машины, эти женщины в норковых шубах, спешащие по своим делам. Я ловила на себе косые взгляды прохожих — слишком дешёвая куртка, слишком старомодное платье, слишком испуганный вид.

Возле огромного здания с колоннами я остановилась.

«Казино „Королевская игра“» — гласила неоновая вывеска, которая даже вечером горела тусклым красным светом. Над входом висела какая-то замысловатая конструкция с игральными картами и рулеткой. Швейцар в ливрее стоял у дверей, равнодушно оглядывая прохожих. К нему подкатил джип с тонированными стёклами, из которого высыпала компания мужчин в дорогих пальто.

Я обошла здание стороной, как учил отец. Нырнула в арку, потом во двор, заставленный машинами. Здесь пахло бензином и мусорными баками. Нашла неприметную железную дверь с табличкой «Служебный вход. Посторонним вход воспрещён».

Сердце колотилось где-то в горле. Если я сейчас войду, обратной дороги не будет. Клык — это не сберкасса, где можно взять ссуду и спокойно выплачивать. Это кабала. Но другого выхода нет. И я толкнула дверь — заперто.

Я постояла, прислушиваясь к себе. Ещё не поздно повернуть назад. Ещё можно сказать себе: «Я пыталась, но не получилось». Вернуться домой, лечь на свой продавленный диван, притвориться, что ничего не было. А через два месяца хоронить Ваню.

Нет.

Я постучала. Сначала робко, потом сильнее.

Каждый удар отдавался в висках. Я думала о том, что за этой дверью — другие люди, другая жизнь, другие законы. Там нет места жалости, там только деньги. Но мне и не нужна жалость. Мне нужны деньги. Только деньги.

Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на весь двор. Я сжала кулаки, заставила себя дышать ровнее. Если я сейчас покажу страх, они сожрут меня. Надо держаться. Надо быть твёрдой. Хотя бы казаться.

Дверь распахнулась резко, так что я отшатнулась.

Тогда постучала. Сначала робко, потом сильнее.

Дверь распахнулась резко, так что я отшатнулась. На пороге стояли двое. Типичные «мордовороты», как их называли в народе: широкие, как шкафы, в чёрных пиджаках, с бритыми затылками. У одного на лице красовался шрам через всю бровь, у второго — золотая фикса во рту, которая блеснула, когда он осклабилсся.

— Чего надо? — спросил тот, со шрамом, оглядывая меня с ног до головы. Взгляд у него был тяжёлый, оценивающий. Таким взглядом мясники смотрят на тушу.

— Мне... — голос дрогнул, пришлось откашляться. — Мне нужны люди, которые дают деньги.

— Какие люди? — фикса снова блеснула. — Здесь казино, детка. Играть пришла?

— Я пришла по делу. — Я постаралась, чтобы голос звучал твёрже, чем я себя чувствовала. — Мне сказали, здесь можно взять деньги в долг.

Охранники переглянулись.

— У Клыка? — уточнил тот, со шрамом.

— Да. Мне сказали, он здесь даёт деньги.

— Кто сказал?

— Отец. Он... он должен Клыку. Сказал, что здесь можно договориться.

Они снова переглянулись. Потом тот, что со шрамом, кивнул напарнику и скрылся внутри. Вернулся через минуту, кивнул:

— Заходи. По коридору налево, третья дверь. Жди.

Я шагнула внутрь, и дверь за мной захлопнулась с тяжёлым металлическим лязгом.

Внутри пахло табаком — дорогим, не чета нашей «Приме» — и ещё чем-то сладковатым, приторным. Кажется, так пахнут деньги. Или опасность.

Коридор оказался длинным, тускло освещённым. Стены обиты тёмными деревянными панелями, пол застелен ковровой дорожкой — не то, что наша лестничная клетка с её запахами. Где-то вдалеке слышалась приглушённая музыка, звон бокалов, женский смех — там была жизнь, праздник, который мне был заказан.

Я пошла по коридору, считая двери. Мимо проплывали какие-то люди в форме — официанты, охранники, — но никто не обращал на меня внимания. Здесь я была просто тенью, очередной просительницей, которых, видимо, ходит немало.

Третья дверь. Обычная, деревянная, без таблички.

Я остановилась перед ней. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно во всём коридоре.

Подняла руку. Постучала.

И замерла в ожидании.

Дверь открылась.

На пороге стоял мужчина. Дорогой костюм, идеально сидящий на широких плечах. Белая рубашка, тёмный галстук, золотая печатка на пальце. Короткая стрижка, тяжёлый взгляд, жёсткие черты лица. Человек, который умеет ломать

кости. Это читалось во всём — в осанке, в прищуре, в том, как он держал руки.

Он оглядел меня с ног до головы. Медленно, внимательно. Задержался взглядом на лице, на дешёвой куртке, на старомодном платье, которое виднелось из-под неё.

Я смотрела на него и не могла пошевелиться. Страх сковал всё тело.

— Заходи, красавица, — сказал он, и голос у него был низкий, спокойный, без намёка на эмоции. — Поговорим.

Он отступил в сторону, пропуская меня в полумрак комнаты.

Я шагнула через порог.

Дверь за моей спиной закрылась.

ГЛАВА 3. Ростовщик

Дверь открыл мужчина в дорогом костюме, но с лицом человека, который умеет ломать кости. Короткая стрижка, тяжёлый взгляд, золотая печатка на пальце. Он оглядел меня с ног до головы, задержался на лице, потом кивнул:

— Заходи, красавица. Поговорим.

Я шагнула внутрь. Сердце колотилось где-то в горле, но я старалась держаться прямо. Не показывать страх.

Пока мы шли, я старалась запомнить дорогу — на всякий случай. Но коридоры петляли, сворачивали, терялись в полумраке. Где-то за стеной гудел вентилятор, где-то капала вода. Пахло сыростью и дешёвым табаком — не чета тому дорогому аромату, что витал у входа. Здесь была изнанка красивой жизни. Грязная, пропахшая потом и страхом.

Охранник со шрамом шёл впереди, не оборачиваясь. Я смотрела на его широкую спину, на бритый затылок с глубокими складками, и думала: сколько таких, как я, прошло этим коридором? Сколько уходило отсюда с долгами, а сколько — вообще не уходило?

От этой мысли стало холодно.

Коридор привёл в небольшую комнату, больше похожую на допросную, чем на кабинет. Голые стены, стол, два стула. За столом сидел ещё один — лысый, с мясистым лицом и золотыми зубами, которые блестели при свете настольной лам-

пы. Когда он улыбнулся, я увидела, что золота во рту много — не один, не два зуба, а целый ряд. Фиксы блестели, как у хищника, который только что разорвал добычу и теперь довольно скалится. На мясистых пальцах — перстни, дешёвые, с красными камнями, похожими на засохшую кровь. Пиджак на нём сидел мешком, под мышками — тёмные пятна пота, был мятый, рубашка расстёгнута на две пуговицы, открывая волосатую грудь с золотой цепочкой.

Он был отвратителен. Но я заставила себя смотреть ему в глаза и не отворачиваться.

Возле стены стоял тот самый охранник со шрамом, который открыл мне дверь. Когда он успел зайти?

— Садись, — лысый кивнул на стул напротив. — Клыком меня кличут. Сказывай, зачем пришла.

Я села, стараясь не трястись. Под столом сцепила пальцы в замок так, что ногти впились в ладони. С каждой секундой я понимала, что совершаю ошибку. Что эти люди — не те, к кому можно прийти за помощью. Что они сожрут меня, мою семью, мою жизнь, и даже не подавятся. Но другого выхода не было. Ваня. Ради Вани я была готова на всё. Даже на это.

Клык смотрел на меня своими маленькими, заплывшими глазками, и я чувствовала себя мухой, попавшей в паутину. Паук не спешит. Он рассматривает добычу, прикидывает, сколько в ней мяса.

— Мне нужны деньги. Три тысячи долларов.

Клык присвистнул, переглянулся с охранником.

— Ого, запросы у девушки. А сколько тебе лет, красавица?

— Двадцать два.

— И на что тебе такая сумма? — он прищурился, разглядывая меня. Взгляд у него был липкий, противный — так смотрят на товар, а не на человека.

— Брату нужна операция. Сердце. — Я сглотнула. — Врачи сказали, если не сделать в ближайшие два месяца, он умрёт.

Клык хмыкнул, почесал лысину.

— Трогательно. Документы принесла?

Я достала из кармана паспорт, протянула ему. Он полистал, изучая страницы, потом отложил в сторону.

— Кем работаешь? Есть недвижимость?

— Я санитарка в городской больнице. Есть старая однокомнатная квартира в Ростове, от бабушки осталась.

— Ха! — он хлопнул ладонью по столу. — Санитарка! И с таким залогом? — Он покрутил в пальцах мой паспорт. — Квартира в Ростове — это не здесь, красавица. Далеко. Максимум, что могу дать — тысячу баксов. И то под проценты.

— Мне нужно три. — Я старалась, чтобы голос звучал твёрдо. — Операция стоит три тысячи.

— Тысяча, — отрезал он. — И проценты — двадцать в месяц. Через три месяца отдашь две. Не отдашь — квартира наша. И ты отрабатываешь. — Он плотоядно улыбнулся, и я поняла, что значит «отрабатываешь». От этого взгляда меня

передёрнуло.

Перед глазами потемнело.

Двадцать процентов в месяц. Это кабала, из которой не выбраться. Через три месяца я должна буду две тысячи, через полгода — все четыре. Квартира, единственное, что у нас есть, отойдёт этим бандитам. А я сама стану их вещью.

Но другого выхода не было. Ваня умрёт. Врачи не врали.
— Я согласна, — выдавила я из себя.

Клык довольно кивнул, полез в ящик стола, достал бумаги, отпечатанные мелким, бисерным шрифтом. Протянул мне ручку — дешёвую, пластиковую.

— Подписывай. Здесь и здесь.

Я взяла ручку. Пальцы дрожали. Буквы прыгали перед глазами, расплывались. Я не читала договор — какой смысл? Всё равно ничего не понимаю в этих юридических формулировках. Да и выбирать не приходится.

Ручка коснулась бумаги.

Чёрная, дешёвая, с логотипом гостиницы — наверное, кто-то забыл, а Клык подобрал, какой хозяйственный, однако. Я смотрела на эту ручку, на свои пальцы, которые дрожали так, что я едва удерживала её, и думала: вот сейчас я поставлю подпись, и всё изменится. Обратного пути не будет. Я стану должницей. Вещью. Рабыней.

На секунду захотелось отбросить ручку, вскочить и убежать. Плевать на всё. Но перед глазами встало лицо Вани — бледное, с огромными глазами, в которых всегда светились

тихая грусть. И я нажала.

Ручка скользнула по бумаге, оставляя кривую линию. Я даже не успела дописать букву, как дверь распахнулась с такой силой, что ударилась об стену.

В комнату ворвались трое. Все в чёрном, с короткими стрижками, с холодными глазами. Один схватил охранника со шрамом, заломил ему руку за спину, прижал лицом к стене. Второй навис над Клыком, который побледнел и вжался в кресло.

Третий — высокий, с жёстким лицом и внимательными глазами — остановился напротив меня.

— Клык, ты идиот? — процедил он сквозь зубы. — Она же с ментами!

— Я не... — начал Клык, но договорить не успел — его схватили за грудки и выдернули из-за стола.

— Она зашла через чёрный вход, озиралась по сторонам, отказалась играть, сразу пошла к тебе. Кто так ведёт себя, если не подстава? — Голос у говорившего был ледяной, безжалостный. — Игорь Сергеевич велел разобраться.

— Я не из милиции! — закричала я, вскакивая. Ручка упала на пол, покатилась под стол. — Я студентка! Мне правда нужны деньги! Спросите у отца, он у вас играет, он должен Клыку, он...

Меня схватили за руки. Выкрутили так, что в глазах потемнело от боли.

— Проверим, — коротко бросил тот, с жёстким лицом.

— Общайте её.

Чьи-то руки зашарили по моему телу, бесцеремонно, грубо, не стесняясь. Я закричала, дёрнулась, но меня держали крепко. Нашли паспорт в кармане куртки. Мелочь на проезд. Смятый носовой платок.

— Чисто, — сказал тот, кто меня обыскивал.

— Чисто не бывает. — Жёсткий взял мой паспорт, пролистал. — Алина... Позже разберёмся. А пока — вверх. К Игорю Сергеевичу. Пусть сам решает.

Меня поволокли к двери. Я упиралась, кричала, что я не виновата, что я просто пришла за деньгами, что брат умрёт. Меня не слушали.

В коридоре я успела заметить перекошенное лицо Клыка, которого держали двое. Он смотрел на меня с ненавистью, будто я была во всём виновата.

— Сука, — выплюнул он мне вслед. — Подослали суку...

А потом меня втокнули в лифт, и двери закрылись, отрезая меня от всего мира.

Я осталась одна в тесной кабине с тремя мужчинами, от которых пахло потом, табаком и опасностью. И поняла, что сейчас решится моя судьба.

Лифт пополз вверх.

ГЛАВА 4. Кабинет Хозяина

Лифт поднимался медленно, с противным скрежетом.

Я ненавидела лифты. С детства, после того как застряла в нашем старом, раздолбанном, и просидела там два часа, пока соседи не вызвали лифтера. Тогда я накричалась, нарыдалась вдоволь. С тех пор всегда ходила пешком, даже на девятый этаж. Но здесь выбора не было.

Кабина была тесной. Меня прижали к стене два амбала, спереди стоял тот, с жёстким лицом. Я чувствовала запах их тел, слышала дыхание. Казалось, воздуха в лифте почти нет. Цифры над дверями мигали неумолимо. Третий этаж. Четвертый. Пятый. Каждый щелчок отдавался в висках.

Я закрыла глаза и попыталась дышать ровно. Не получалось. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая мысли. Я пыталась придумать, что скажу, как объясню, но в голове было пусто — только страх, липкий и холодный, заполнял всё изнутри.

— Пожалуйста, — прошептала я, обращаясь то ли к ним, то ли в пустоту. — Я не мошенница. Я не подставная. Я просто пришла за деньгами...

— Заткнись, — бросил тот, с жёстким лицом. — Наверху расскажешь.

Лифт остановился. Двери разъехались, открывая длинный коридор, устланный толстой ковровой дорожкой, с тя-

жёлтыми дверями по обе стороны. Меня повели по нему, и я уже не сопротивлялась — сил не осталось.

Мы остановились у массивной двери из тёмного дерева. Один из сопровождающих постучал — коротко, два раза.

— Войдите, — раздалось изнутри.

Дверь открылась.

Кабинет, в который меня втолкнули, оказался огромным. Я никогда не видела таких кабинетов — разве что в кино про иностранцев. Панорамные окна во всю стену выходили на ночной город, и огни внизу казались россыпью бриллиантов. Тяжёлые портьеры, тёмная мебель, кожаный диван у стены. На стене — картина в массивной раме, какая-то охота, кони, собаки.

Посреди всего этого великолепия стоял огромный стол из красного дерева, а за столом, спиной ко мне, в высоком кожаном кресле сидел мужчина. Он смотрел в окно, на город, и даже не обернулся, когда мы вошли.

— Игорь Сергеевич, — начал тот, с жёстким лицом. — Поймали эту у Клыка. Она зашла через чёрный вход, ребята из охраны сказали — странно себя вела, постоянно озиралась, играть отказалась, сразу пошла к ростовщику. Мы думаем, она из прокуратуры или из милиции.

Кресло медленно развернулось.

И я увидела ЕГО.

Красивое лицо. Холодное, резкое, будто вырезанное из камня. Тёмные волосы, зачёсанные назад, с ранней сединой

на висках. Серые глаза — такие светлые, почти прозрачные, что казались ледяными. И в этих глазах не было ничего — ни злости, ни интереса, ни даже скуки. Пустота.

Он смотрел на меня, как на букашку, случайно залетевшую в окно.

— Осмотрите её, — коротко бросил он.

Охранник шагнул ко мне. Я дёрнулась, закричала, но меня уже держали. Чьи-то руки зашарили по моему телу — грубо, бесцеремонно, не стесняясь. Я зажмурилась, стиснув зубы, чтобы не разрыдаться.

Руки были везде — по бокам, под мышками, по ногам. Один из охранников — кажется, тот, со шрамом — провёл ладонью по моей груди, задержался на секунду дольше, чем нужно. Я дёрнулась, но меня держали крепко.

— Не дергайся, — прошипели над ухом.

Я не открывала глаза. Боялась, что если увижу их лица, то сорвусь, закричу, начну вырываться, и тогда всё станет только хуже. Я считала про себя: раз, два, три, четыре... Сто. Двести. Когда счёт перевалил за триста, руки исчезли.

— Чисто, — сказал кто-то.

Я открыла глаза. Охранники стояли на своих местах, будто ничего не произошло. Будто не они только что лапали меня, будто я не человек, а мебель, которую обыскивают на предмет взрывчатки.

Увы, ничего нового они не нашли, все тот же паспорт в кармане куртки, мелочь на проезд, смятый платок.

— Чисто, — сказал охранник, отступая.

Меня отпустили. Я стояла, тяжело дыша, и слёзы уже текли по щекам. Я не могла их остановить — страх, унижение, отчаяние выплёскивались наружу.

— Пожалуйста, — всхлипнула я, глядя на Игоря. — Пожалуйста, отпустите меня. Я не из милиции. Я всего лишь хотела занять денег. У меня брат болен, ему операция нужна, которая стоит три тысячи долларов... Врачи сказали — если не сделать, он умрёт... Я не мошенница, я не подставная, я просто пришла к Клыку, потому что отец сказал, что здесь можно взять в долг...

Я говорила и говорила, захлёбываясь словами, а слёзы капали на ковёр. Я не могла остановиться.

Игорь смотрел на меня молча.

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Только глаза — эти ледяные глаза — слегка прищурились. Потом он перевёл взгляд на охранников и коротко кивнул.

Меня отпустили. Я, не удержавшись на ногах, рухнула на колени прямо на пушистый ковёр. Всклипывала, размазывая слёзы по лицу, и не могла остановиться.

Ковёр был мягким, очень мягким. Я никогда не стояла на таких коврах. Дома у нас был старый, вытертый, с проплешинами, который мать когда-то купила на рынке за копейки. А этот, кажется, был персидским или ещё каким-то дорогим. Я смотрела на его узоры, размазывая по лицу слёзы, и думала: сколько же он стоит? Наверное, больше, чем моя

зарплата за год. Больше, чем нужно на операцию Ване. А я стою на нём коленями и плачу, как последняя дура.

Где-то надо мной стоял Игорь. Я не видела его лица, только чувствовала взгляд — тяжёлый, холодный. Он смотрел на меня сверху вниз, как на пустое место. Или как на букашку, которую можно раздавить.

— Кто тебя послал? — спросил Игорь. Голос ровный, без интонаций. — Вера?

— Я не знаю никакой Веры! — Я подняла на него заплаканное лицо. — Клянусь вам! Меня зовут Алина, я студентка-медик, у меня брат Ваня, ему шестнадцать, у него порок сердца... Мне нужен был Клык, чтобы просто взять в долг.

Он поднял бровь. Чуть заметно, но я увидела.

— Клык уже уехал лечиться, — равнодушно сказал он. — Надолго. А ты... — Он помолчал, разглядывая меня. — Ты мне не интересна.

Я замерла, не понимая, что это значит. Угроза?

Игорь перевёл взгляд на охранников.

— Отдайте её ребятам в низу на забаву, — коротко бросил он. — Пусть развлекаются.

У меня кровь застыла в жилах.

Охранники переглянулись. Тот, со шрамом, плотоядно усмехнулся. Второй — с золотой фиксой — облизнулся, глядя на меня сальным взглядом. Они шагнули ко мне.

— Нет! — закричала я, вскидывая руки. — Нет! Пожалуйста! Не надо! Я невинна! Я ни с кем никогда не была!

Пожалуйста!

Я кричала это, уже не соображая, что говорю, захлёбываясь слезами и ужасом. Охранники замерли на мгновение, глядя на Игоря.

Игорь поднял руку.

Они остановились.

В кабинете повисла тишина. Только мои всхлипы нарушали её.

Игорь медленно поднялся из кресла. Высокий, широкоплечий, с идеальной осанкой человека, привыкшего повелевать. Подошёл ко мне, остановился в полуметре.

Я смотрела на его дорогие ботинки и боялась поднять глаза.

— Посмотри на меня, — приказал он.

Я подняла голову.

Он протянул руку, взял меня за подбородок. Пальцы у него были холодные, но прикосновение — уверенное, без лишней грубости. Он заставил меня смотреть ему в глаза.

— Врёшь ты или нет, — сказал он тихо, почти шепотом, но в этой тишине каждое слово звучало как приговор, — я узнаю.

Я смотрела в эти ледяные глаза и не могла вымолвить ни слова. Только слёзы катились по щекам, падая на его руку.

Он отпустил мой подбородок. Выпрямился.

— Уведите и закройте в номере. Одну! — бросил он охранникам. — Завтра решу, что с ней делать.

Меня подхватили под руки, поволокли к двери. На пороге я обернулась.

Игорь уже стоял у окна, спиной ко мне, глядя на ночной город.

Дверь закрылась, отрезая меня от него, от этого кабинета, от всего.

Я осталась в руках людей, которые только что готовы были сделать со мной что угодно.

И не знала, что ждёт меня дальше.

Дверь закрылась, и я осталась одна в коридоре с двумя охранниками. Они стояли по бокам, молчаливые, как статуи. Я не знала, куда меня поведут, что со мной будет. Мысли путались, в голове было пусто и шумно одновременно.

Они повели меня по коридору. Я шла, не чувствуя ног. Казалось, всё это происходит не со мной. Сейчас я проснусь — и окажусь дома, на своём продавленном диване, а мать будет греметь кастрюлями на кухне. Но это был не сон. Ковёр под ногами был слишком мягким, стены слишком дорогими, а люди слишком реальными.

Я пыталась запомнить дорогу, но коридоры петляли, сворачивали, терялись. Я поняла, что, если даже захочу сбежать — не смогу. Это лабиринт. Ловушка. И я уже внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.